

Демидова Алла

25.09.86

КИРИЛЛ ИСКОЛЬДСКИЙ

Моск. кинемат. - 2006. - 25 сент. - с. 1-10.

ТАИНА СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ

**Алла Демидова — "МК":
"Когда начинаю вспоминать,
я раздражаюсь"**

Алла Демидова. Непростая актриса. Непростой человек... Общаться с ней непросто. Застать дома — еще сложнее. Разве что перед юбилеем...

— Я очень удобная актриса, потому что я актриса. Я знаю свою профессию, я никогда не спорю с режиссерами. Я спорю только с вами, потому что здесь вопрос—ответ. Когда меня спрашивают о чем-то, я отвечаю. Когда меня не спрашивают, я не лезу со своим мнением. Если режиссер не спрашивает, а говорит "надо" — я это и делаю. Потому что, мне кажется, овладела профессией.

Эти и другие откровения —
в интервью "МК" на 10-й стр.

ПЕРСОНА

«Не получается быть одиночкой»

— Алла Сергеевна, и чего вам дома все не сидится?

— Жизнь такая. В конце августа была в Каннах на фестивале русского искусства, второй раз там участвую: несколько лет назад с фильмом Граматикова «Маленькая принцесса», в этом году с «Настройщиком» Киры Муратовой. До этого была в Дании... Сейчас в Петербург, в Петропавловскую крепость, перенесут прах Марии Федоровны, матери Николая Второго. А мы делали фильм о ее жизни, снимали во дворцах Петербурга и в Копенгагене.

— Вы сыграли императрицу?

— Нет-нет, ни в коем случае. Это документальный фильм, основанный на материалах, на фотодокументах. А я комментирую: за кадром, в кадре.

— Ваше время подчинено жесткому графику. Есть, к примеру, календарь, где вы отмечаете: мне нужно сделать это, это?..

— Да. У меня все расписано по дням, иногда даже по часам.

— И этого графика вы строго придерживаетесь?

— Приходится.

— Даже несмотря на то, что, как говорите, не из трудогилов, а любимое занятие — полежать на диване с книжечкой?

— Правильно. Когда можно отказаться, я отказываюсь. Например, от вашего интервью я отказывалась уже несколько месяцев. Но поскольку вы настойчивы и по голосу не очень мне несимпатичны, то я согласилась. А вообще, да — когда можно, я отказываюсь. Но когда по своему легкомыслию или потому что мне понравился проект я соглашаюсь, то уже работаю абсолютно, у меня чувство долга гипертрофированное. Все-таки актерская профессия — коллективная, ты связан с людьми.

— Но вы ведь всю жизнь бежите от коллектива. Ушли с Таганки, создали свой театр, потом — моноспектакли, поэтические вечера. Круг все сужается. Это сознательный уход в одиночество?

— Не в одиночество, это сознательный уход в монопредставление. Последнее время я делала с Теодором Терзопулосом совместные постановки. И все равно была связана с ним, с его планами, поскольку он и режиссер, и продюсер, он подписывает все контракты по гастролям. Правда, последние полтора года я нарушаю планы Теодора: попросила у него длительный отпуск, потому что устала от театра, сказала: Теодор, я не могу, дайте мне немножко отдохнуть. Он говорит: ну хорошо, давайте через два месяца встретимся. Через два месяца я сказала: давайте еще через три месяца. И так уже полтора года...

— И насколько этот отпуск может затянуться?

— Не знаю, посмотрим.

— То есть вы не говорите, что окончательно ушли со сцены?

— Это отодвигание от себя каких-то обязательств, не более. Окончательно ни о чем нельзя говорить.

— А можно сказать, что сейчас ваше время? Время, когда коллектив в общем-то не нужен, время одиночек.

— Не получается быть одиночкой.

— Но в идеале?..

— И в идеале не получается. Надо тогда пойти просто в скит.

«Наверное, меня считают гордячкой»

— Вы как-то сказали, что с актерами на Таганке у вас не завязывались отношения, лишь на уровне «здрасьте, до свидания»...

— Нет, не только «здрасьте, до свидания» — естественно, какие-то отношения были. Но дружеских, по-моему, ни с кем особенно не было. И конфликтов тоже. Об этих конфликтах я узнаю лишь спустя много лет: или из дневников Золотухина, или что-то Смехов напишет. Тогда ничего такого не замечала.

— Можете, потому что вели обособленную жизнь?

Она не любит говорить о прошлом — что было, то было. Терпеть не может комплиментов — все слова ложь. Не пускает в личную жизнь — не лезьте в мой дом. Она никого не учит и не допускает, чтобы кто-то учил ее. Она вся в себе. В своих ролях, в своих мыслях. Разговаривать — так с умным человеком. Желательно — с самой собой. Отсюда дневники, отсюда написанные ею книги.

ТАЙНА СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ

Алла ДЕМИДОВА:

«Когда начинаю вспоминать, я раздражаюсь»

— Может быть. Я думаю, в театре так и надо жить. Театр-дом, театр-семья может быть только в самом начале. И очень быстро нарушается, когда начинаются иерархии званий, иерархии талантов...

— Вам не по душе актерская братия: с ее курилками, посиделками, капустниками?

— Нет, почему — капустники мне очень нравятся. Как зрителю. Другое дело, что в них я никогда не участвовала, меня и не брали, видимо, у меня какое-то мироощущение другое.

— Таганковцы не считали вас гордячкой?

— Не знаю, никогда не выясняла ни с кем отношений. Судя по каким-то отзывам теперешним, может быть, и считали.

— А вам все равно, что о вас думают другие?

— Мне не все равно, что думают обо мне совсем близкие люди. Правда, круг этот с годами все сужается и сужается. Хотя если пишет какой-то умный человек, критик, почему бы не прислушаться.

— В театре было много пишущих людей: и Золотухин, и Высоцкий, и Смехов, и Филатов. Не нашли среди них близкую душу, с кем можно было пооткровенничать?

— Нет, пооткровенничать можно только... с самой собой. Вообще, мне не очень нравится говорить о том, что было.

— Но о Высоцком вы ведь книгу написали.

— Написала. Это была первая, кстати, публика-

«Вишневый сад» на Таганке.

ГЕНАДИЙ АБРАМЕНКО

ция о Высоцком. И очень несовершенная. Во-первых, и материала было мало — только мои дневники и кое-какая расшифровка его концертов. И торопила редакция меня. Предположим: я цитирую там какую-то анкету Высоцкого, заполненную им самим. Где он путает сам свои года. Надо было, конечно, в сноске сказать, что это перепутал Высоцкий, а не я. А мне потом пошли нарекания, что вот вы даже не удосужились проверить... Но сейчас могу сказать, что книга эта была абсолютно честная. На то время. Со временем, конечно, мы узнали о нем больше...

— Даже вы?

— Конечно. Когда мы читаем воспоминания современников Пушкина, можно подумать: боже мой, как же мало они о нем знали. Так же и о Высоцком: каждый раз будет открываться что-то новое.

— Анкету Высоцкого в своих дневниках приводит и Золотухин, где на вопрос «кто твой лучший друг» Высоцкий отвечает: Золотухин...

— Простите ради бога, я вас перебыю. Эта анкета была в конце 60-х. Человек меняется не только с годами, он меняется день за днем. Тогда Высоцкий ответил так. Через год он ответил бы по-другому, через десять лет — еще как-то. А эту анкету уж так измусолили... Вообще, слишком мифологизируют и монументализируют личность, в данном случае Высоцкого. Он очень менялся. Я ведь писала тоже, как он менялся в «Гамлете» за десять лет. Критика, которая смотрела его первые спектакли и писала о них, — эта критика и осталась. Потом они не ходили. А Высоцкий совершенно стал другим, он совершенно по-другому играл Гамлета. И об этом уже никто из критиков не написал. Поэтому обо всем, что остается в печати, надо всегда говорить: это было в таком-то году. А ни в коем случае: на анкету Высоцкий ответил так-то. Нет: на анкету в таком-то году он ответил так.

— Когда-нибудь сравнивали свой дневник и Золотухина?

— Да, иногда. Какие-то события в них совпадают. Но оценка этих событий совершенно другая. Вообще, для меня его дневники стали неким открытием таганской жизни.

— Многие, прочитав их, плевались.

— Нет, мне было очень интересно, это же касается и моей жизни. Но после прочтения этих дневников складывается такое ощущение — более расширенное, чем от дневникового чтения. Это почти художественная проза. Выходит такой человек, актер: талантливый, немножко изломанный временем и самим собой. Вот как он боролся и с самим собой, и с временем... Нет, это более сложный жанр, чем просто дневники.

«Живу только сегодняшним днем»

— Дневник — разговор с самим собой. Помните, когда написали первую строчку? И почему?

— Нет, не помню. Это детское ощущение, у нас даже в школе был дневник на троих, который мы, три девочки, передавали друг другу каждый день. К сожалению, я куда-то его засунула, интересно было бы все-таки его найти и почитать. Дневники возникают спонтанно. Дневник актерский — это такой эмоциональный выброс. У меня же дневники скорее информационные — чтобы не запутаться. Кстати, у Блока очень похожие: приехала мама, письмо от Любы — такие вот краткие. Но за этой краткостью можно восстановить события. Сейчас хочется их немножко расшифровать, пока еще память есть.

— Вы их часто перечитываете?

— Вообще никогда не перечитываю. Сейчас вот взяла, мне хотелось сравнить с золотухинскими какие-то дни. И тогда подумала: а почему бы мне немножко их не расшифровать?

— То есть у вас не было желания посмотреть: как менялись вы?

— Нет, абсолютно... Вот почему я не люблю интервью? Я совершенно не люблю вспоминать то, что было. Только когда меня о чем-то спрашива-

Кадр из фильма «Настройщик».

ют, я начинаю вспоминать. И довольно-таки часто раздражаюсь из-за этого. Я не то что не люблю жить воспоминаниями, я не живу воспоминаниями. Живу сегодняшним днем. И не живу никогда будущим. И думаю, что это нормально.

— А остановиться, оглянуться, посмотреть на себя со стороны?

— Актер всегда смотрит на себя со стороны. Потому что актерская профессия, она в таком раздвоении сознания: ты — образ и ты — сам. И в этом раздвоении ты всегда смотришь на себя со стороны.

— Что вам в себе не нравится, можете сказать?

— Очень многое, но такими интимными подробностями я не делюсь с читателями. Они сами найдут, что им не нравится во мне. Зачем же мне им подсказывать?

— А комплименты любите?

— Не люблю. Я достаточно в этом смысле самокритична и больше люблю критику. Почему? Потому что это лишь комплименты, а я про себя знаю больше, чем человек, который мне что-то скажет.

— То есть все комплименты — ложь?

— Не всегда. Но человеку ведь очень трудно сказать в глаза что-то негативное. Гораздо легче сказать комплиментарное.

— То, что вас называют интеллектуальной актрисой, — это комплимент?

— Это не комплимент, так люди считают. Ну и пусть считают. Я никого ни в чем не уверяю, не переубеждаю. Зачем? Человек все равно остается при своем мнении.

— Вас не раздражает нынешняя молодежь?

— Абсолютно ничем. Я вообще очень не люблю эти разговоры о поколениях. Есть люди такие-то и люди такие-то — это совсем не зависит от возраста. Это зависит от характера, от воспитания, от наклонностей. От таланта, от каких-то других приводящих обстоятельств. Меньше всего от возраста.

— Но времена-то разные.

— Но я тоже живу в это время, слава богу.

— А вам оно нравится?

— Ой, ради бога. Это детский вопрос. Время есть время. Оно каждый раз другое, ну и замечательно.

— Вы много чего не понимаете в жизни?

— Естественно. Люди вообще только начинают понимать, что они многого не понимают. Весь XIX век — это ощущение, что человек наконец-то стал царем природы. Только сейчас он начинает понимать, что это совсем не так.

«Мой дом — моя крепость»

— В кино, в отличие от театра, вы отпуск не берете?

— Нет, но я очень часто отказывалась — раньше, во всяком случае, когда было больше предложений. Да и сейчас тоже: приносят кое-какие сценарии...

— Жалели или что сделано, то сделано?

— Много о чем жалела. Раньше была, наверное, более требовательна. Или оттого, что было слишком много работы: в 70-е годы практически ни один сценарий не проходил мимо меня, но нельзя объять необъятное. Сейчас, естественно, жалею о каких-то ролях. Было и так, что режиссер хотел меня снимать, а меня не утверждали. У Германа в «20 дней без войны» должна была сниматься. Но Гурченко, слава богу, прекрасно сыграла, так что никаких потерь нет. Или, например, в «Солярисе», где меня запретили снимать. Но опять-таки — прекрасно сыграла Наташа Бондарчук, тоже никаких потерь. Это потери скорее для меня.

— Я читал, Тарковский зарекся вас приглашать, написал: Демидова замечательная актриса, но она хозяйка на съемочной площадке...

— Ничего подобного. Это он написал в своем «Мартирологе», когда искал актрису на роль для «Белого дня», который потом превратился в «Зеркало». Изначально там совершенно был другой сценарий: Тарковский должен был снимать свою мать, и в кадре — бесконечные вопросы к ней: почему ты не вышла замуж, когда нас оставил отец, будет ли третья мировая война — то есть от и до. А в каких-то игровых сценах, маленьких, должна была сниматься актриса. И выбирал он между многими, так в картине появилась я. А потом ему на пробы привели Терехову, которая была очень похожа на его мать в юности, — по фотографии, во всяком случае, — они с Александром Мишариным переписали сценарий, он стал абсолютно игровым. Главная роль была у Риты, а мне достался эпизод. И так получилось «Зеркало», прекрасный фильм... Это я цитирую вам его дневники. Где и была фраза: «Хочу работать с Демидовой. Но нет — она слишком чувствует себя хозяйкой на площадке».

— Другие режиссеры не боялись вас приглашать?

— Спрашивайте других режиссеров, что вы меня спрашиваете?

— Ваш муж, известный сценарист Владимир Валущий, дома довольствуется ролью второго плана?

— На эти вопросы ну никогда не отвечаю. Потому что дом есть дом, это моя крепость. И не лезьте сюда, он закрыт для вас.

— О домашних животных вы рассказываете охотно, это ведь тоже дом.

— Да, потому что я стараюсь всегда их славить, стараюсь, чтобы они снимались. Но, к сожалению, они сейчас ушли из жизни. Кот, который жил с нами 20 лет, умер зимой. А пекинес Микки, который снимался и в «Маленькой принцессе», и в «Настройщике», — в начале лета. О них могу говорить, могу очень много говорить о других собаках и кошках...

— Потому что они лучше людей?

— Потому что они просто не могут говорить. Я за них отвечаю.

249 Дмитрий МЕЛЬМАН.